

Под теплым светом лампы и в полумраке опущенного полога Цин Янь широко раскрыл глаза, едва веря своим ушам. Но прежде, чем он успел что-то сказать, Цю Хэнянь уже закрыл дверь, заперев внутри накопившееся тепло, и снова мягко, но уверенно взял его за руку, усаживая на кровать.

Когда Цю Хэнянь потянулся, чтобы опустить одну сторону полога, он внезапно остановился. Повернув голову, он посмотрел на Цин Яня, который сидел на кровати, слегка растерянно глядя вниз. В его глазах мелькнула задумчивость. После короткой паузы он тихо спросил:

— Ты... не против?

Цин Янь поспешно замотал головой:

— Нет-нет, конечно, не против, — пробормотал он, и, заметив, что Цю Хэнянь все еще колеблется, поспешно откинулся к изголовью кровати:

— Иди, иди быстрее мойся, а то вода остынет. Я устал, пока отдохну.

Цю Хэнянь кивнул, опустил оставшуюся сторону полога, и внутреннее пространство кровати погрузилось в мягкий сумрак. Свет от лампы снаружи проникал сквозь тонкую ткань, создавая теплый полумрак.

Но этот свет, который пробивался сквозь полог, также позволял видеть все, что происходило за его пределами. Внешние очертания Цю Хэняня, его движения, как он неспешно снимал одежду, отражались на пологе. Мускулистая фигура, которую раньше Цин Янь мог только представлять, теперь открылась в мягком, едва уловимом свете. Это полузавуалированное зрелище было намного эротичнее, чем если бы он видел его открыто.

Цин Янь сглотнул, чувствуя, как по спине пробежал легкий озноб. Воспоминания о первой брачной ночи, когда он ничего не видел из-за опущенных занавесей и потушенных ламп, нахлынули внезапно. Тогда его сознание было слишком затуманено болью и смущением, чтобы что-то запомнить ясно. С тех пор Цю Хэнянь даже во время сна всегда оставался в одежде, а свет в комнате гас, оставляя их в полной темноте.

Днем, даже сквозь плотные одежды, Цин Янь видел, что у Цю Хэняня отличное телосложение. Но сейчас, когда каждый его контур проявлялся сквозь ткань полога, это оказалось намного более завораживающим, чем он мог себе представить.

Цин Янь поспешно отвернулся, уставившись на внутреннюю сторону кровати. Он чувствовал, как его лицо горит. В носу стояло ощущение сухости и щекотки, словно он простудился, но он понимал, что это совсем не простуда.

— Всего лишь мытье, — пробормотал он себе под нос, — Это же нормально. Я ведь бывал в

общественных банях. Но почему это так смущает? Почему это... так сильно?

Он зарывшись в свои мысли, сравнил происходящее с тем, как он смотрел «те самые фильмы» в прошлом. Но даже тогда это не вызвало такого потрясения. Возможно, дело было в том, что теперь это его муж. Мужчина, который имел право на него в любой момент, мужчина, который мог бы нарушить это хрупкое равновесие, если бы только захотел, и пока не делал этого лишь по своей доброте.

Цин Янь не знал, о чем конкретно думает Цю Хэнянь. Спросить было невозможно, да и смелости не хватало: а вдруг тот и не думал ни о чем серьезном, а теперь, из-за его неуместного вопроса, еще и задумается? Единственное, что оставалось, — тянуть время. Сколько? Он сам не мог ответить. Но если Цю Хэнянь наконец утратит терпение, останется следовать заранее подготовленному плану: зажмуриться, отдать все, что от него потребуют, и смириться.

Из-за занавесок кровати время от времени доносился плеск воды. Звук был мягким, ненавязчивым, даже убаюкивающим. Цин Янь, вымотанный бессмысленными, но изматывающими мыслями, незаметно провалился в дремоту.

Однако полностью уснуть ему не удалось — его разбудили. Сильные руки схватили его за плечи и рывком усадили на кровати. Глубокий, чуть приглушенный голос сказал:

— Пока не спи. Волосы еще мокрые, завтра голова разболится.

Приоткрыв глаза, все еще на границе между сном и явью, Цин Янь разглядел лицо перед собой. Оно наполовину скрывалось в полутьме, но даже так поражало своей противоречивой гармонией: не то демон, не то прекрасный Будда. Из-под воротника свободной одежды выглядывал участок кожи, который не укрылся от его внимательного взгляда. Цин Янь вдохнул, его нос слегка дрогнул.

— Какой ты... ароматный, — пробормотал он с явным восхищением.

«Старики в деревне ничего не понимают, — промелькнуло в его голове. — Кто сказал, что такие лица должны пугать ночью? Нет. Чем больше смотришь, тем больше восхищаешься. Это красота, сплетенная из противоречий, словно сама природа борется за равновесие».

Его взгляд был настолько прямым и горячим, что Цю Хэнянь не мог его вынести. Легкий румянец вспыхнул на его ушах и шее. Он слегка отвернулся, стараясь спрятаться в тени.

Полотенце, которым были завязаны волосы Цин Яня, оказалось развязано и брошено в сторону. Длинные пряди рассыпались по плечам и вдоль спины. Губы Цю Хэняня чуть дрогнули. Сдерживая себя, он снова и снова осторожно вытирал мокрые волосы Цин Яня.

Цин Янь наконец полностью проснулся, поспешно взял полотенце из рук и сказал:

— Я сам. Я сам справлюсь.

Цю Хэнянь не стал настаивать. Передав ему полотенце, он сел на край кровати и медленно начал вытирать свои волосы. Только что закончив банные процедуры, он был не так строго одет, как обычно: вместо того чтобы завернуться до самого кадыка, он позволил себе слегка приоткрыть воротник белоснежного халата. Это обнажило изящную линию шеи и небольшой чуть красноватый след зубов на груди, словно напоминание о недавнем мгновении.

Цин Янь, сидя рядом, украдкой бросал взгляды на него, невольно восхищаясь распущенными длинными волосами Цю Хэняня. Но тут же корил себя за собственное поведение, особенно за то, что могло показаться почти «домогательством», когда он еще не вполне пришел в себя. Когда его взгляд случайно остановился на следе зубов, лицо тут же вспыхнуло, будто охвачено пламенем.

Волосы все еще оставались слегка влажными, когда Цю Хэнянь поднял лампу и поставил ее на маленький круглый столик у кровати. Затем он взял в руки книгу — «Книгу гор и морей» — и вновь углубился в чтение. Цин Янь изо всех сил подавлял свои беспокойные мысли, прислонился к изголовью кровати и, чуть повернувшись, стал читать вместе с ним. Теперь он был сосредоточен на деле: ему нужно было как можно быстрее освоить местное письмо.

Пролистнув очередную страницу, Цю Хэнянь мельком взглянул на него и вдруг спросил:

— Тебе нравится эта книга?

Цин Янь поднял голову и утвердительно кивнул:

— Места, о которых здесь пишут... Если бы только увидеть их своими глазами!

Услышав это, Цю Хэнянь молча смотрел на него, ни на мгновение не отводя взгляда. Цин Янь знал, что он погрузился в какие-то мысли, и не стал его беспокоить, просто спокойно ждал.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он заговорил снова:

— Следующий экзамен в округе будет через два года. Если ты захочешь, я помогу тебе продолжить обучение. Через два года ты сможешь принять участие.

Цин Янь слегка вздрогнул и опустил голову. Он знал, что не пойдет на этот экзамен. Даже если он выучит все иероглифы, усовершенствует навыки и овладеет всеми необходимыми знаниями, он не будет участвовать.

Цин Янь ясно понимал, чего хочет. Он не собирался тратить время на то, что не вызывает у него интереса.

Цю Хэнянь, конечно, ничего этого не знал. Он не задумывался о том, что произойдет, если Цин Янь сдаст экзамен, начнет продвигаться по службе, станет сюцаем, а, возможно, даже чиновником. Вернется ли он тогда в этот бедный дом? А если нет? Цю Хэнянь мог бы потратить годы на помощь ему, а в итоге остаться ни с чем.

Цин Янь, размышляя об этом, чувствовал укол совести. Его деньги, которые он сейчас использовал в той жизни, пришли не из тяжелого труда, а из выигрыша в лотерею. Даже потеря этих случайных средств причинила бы боль, что уж говорить о деньгах, которые Цю Хэнянь зарабатывал кровью и потом.

«Этот человек слишком хорош, слишком добр. Его доброта почти невероятна», — думал Цин Янь.

Однако, чем больше Цю Хэнянь делал для него, тем сильнее он чувствовал в душе странную горечь. В его памяти ясно стояла сцена: Цю Хэнянь шел на плаху ради прежнего владельца этого тела. Пусть это событие и не произошло в реальности, а сам Цин Янь поначалу даже не придавал этому значения, именно искренность и преданность Цю Хэняня заставили его решить быть с ним до конца. Но чем больше добра он получал от этого человека, тем сильнее в нем росло желание просить еще больше.

«Может, он бы так же заботился и о любом другом, кто оказался бы на моем месте», — мелькнула мысль, и от этого стало нестерпимо больно.

Цин Янь переворачивался с боку на бок, словно жарился на сковороде своих собственных мыслей, пока не почувствовал, как теплая, грубоватая рука крепко обхватила его ладонь.

Он замер.

Шторы были плотно задернуты, и в комнате царил непроглядный мрак. Сквозь него Цин Янь различил, как мужчина рядом с ним приподнялся и придвинулся ближе.

Тень медленно надвигалась, не произнося ни слова. Легкий запах мыльного корня, исходивший от его кожи, смешивался с теплом, которое излучало его тело. Вся суетливая вереница мыслей Цин Яня тут же улетучилась.

Когда мужчина оказался прямо над ним, дыхание Цин Яня словно остановилось, а сердце начало биться как безумное.

Глыг. Он не выдержал и нервно сглотнул, пока мужчина аккуратно вытаскивал из-под его тела сбившееся одеяло, чтобы накрыть его заново, тщательно и плотно.

А потом... мужчина вернулся на свое место и спокойно произнес:

— Уже поздно. Спи.

После этих слов Цю Хэнянь больше не издал ни звука. Спустя некоторое время его дыхание стало ровным и спокойным — он явно уже уснул.

А ЦиньЯнь лежал с широко открытыми глазами, уставившись в пустоту. Внутри у него бушевала буря.

Только что он отчетливо осознал: его тело выдало реакцию, которую он не мог игнорировать. Ему стало совершенно ясно, что он... жаждет своего супруга.

Хотя он прекрасно помнил, как болезненен был их первый опыт, в этот момент он готов был забыть про боль, ведь тело Цю Хэняня было настолько безупречным, что любая логика отступала. Даже несмотря на пережитый дискомфорт, Цин Янь вдруг подумал, что хочет снова попробовать.

Еще до сна, когда он мылся, он был уверен, что сегодня не удастся избежать близости. Он уже морально подготовился: «Придется потерпеть, пусть только он удовлетворит свое желание».

Но... ничего не произошло. Вместе с легкой тревогой угасли и его тайные ожидания.

Цю Хэнянь, вероятно, слишком устал за день. Сейчас он спал крепко и безмятежно. А вот Цин Янь, укутавшись в одеяло, тихо кусал его край, с трудом сдерживая слезы.

Причина? Он вдруг пришел к одной мучительной мысли.

Прошло уже несколько дней после их свадьбы. Оба они молоды, полны энергии, но за все это время близость была лишь однажды — в первую ночь. Сегодня он так старался: вымылся как следует, источал аромат чистоты, атмосфера была как нельзя лучше... но Цю Хэнянь даже не сделал намека на что-то большее.

«Может быть, — мелькнуло у Цин Яня, — Тот первый раз оказался неудачным не только для меня? Если я злился на его грубость и из-за этого испытывал боль, возможно, он тоже остался разочарован моим поведением?»

«Что, если... он недоволен мной?»

Цин Янь перевернулся на бок и сжал кулаки, его лицо пылало от смущения и гнева к самому себе.

«А-а-а!» — мысленно прокричал он, загоня себя в пучину сомнений. Его настроение резко упало, и заснуть он так и не смог до самого утра.

<http://bllate.org/book/13590/1205169>